

*Александр Балтин*¹

**К 150-ЛЕТИЮ М. ПРИШВИНА
(1873–1984)**

Музыка много определяла в его жизни; в юности игравший на мандолине Пришвин почитал музыкальные ритмы той силой, что определяют и жизнь, бытование человека на земле, в недрах вечного вращения юлы юдоли. Потрясающего его вагнеровского «Тангейзера» писатель слушал бесчётное число раз... Сплошная сила литого, золотого звука великого немца! Пришвин, казалось, стремился также строить тексты свои — сплошным музыкальным потоком, добиваясь комбинационного эффекта ясности и глубины. Звук вёл мысль; и звук выстраивал пейзаж, который Пришвин, чувствуя необыкновенно, превращал в кадры солнца...

Он и фотографией увлекался страстно, и первую свою книгу «В краю непуганых птиц» проиллюстрировал собственными фотоработами. Удивительный — прорастает в реальность «Женьшень»: таинственный корень, с которым связано так много легенд и такое количество удивительной правды. Повесть Пришвина ткётся с той мерой искусности, когда мастерство незаметно, заворачивает результат: кажется, ни у одного писателя не было в арсенале столько слов для описаний природы. Её живая плазма переливается огнями музыки и поэзии: так, будто за каждым листком стоит неповторимость собственной судьбы, а все вместе — объединяются они в богатство единого человеческого древа.

Волшебно проходят пятнистые олени... «Кладовая солнца» укрупняет один день до величины поэтического произведения: без рифм, разумеется... Финал войны, сироты, ведущие нехитрое хозяйство, сошедший снег, дети, собравшиеся за прошлогодней клюквой. Параллельно идёт история двух собак, оставшихся

¹ Балтин Александр Львович родился в Москве. Поэт, прозаик, критик. Систематического образования не получил. Автор нескольких десятков книг и многочисленных публикаций в журналах и газетах России и ближнего и дальнего зарубежья. Член Союза писателей Москвы. Лауреат литературных премий Н. Лескова, Б. Корнилова и др. Живёт в Москве.

жить в лесу в силу ряда обстоятельств. Будет трагедия: однако с благополучным исходом, конечно, дети пересекутся с одной из собак, что останется жить у них; и расцветут волнующие, волшебные цветы музыки, и... ясности: торжественности природных чудес, и волхвования слова.

Пластика пришвинского стиля велика: он придаёт словам почти осязаемый физический вес; словам, словосочетаниям, суммам фраз... Он писал о животных так, будто ощущал характеры их, видя в каждом индивидуальность. Он украсил историю русского художественного слова настолько не меркнущими произведениями, что свет, идущий от них, только разгорается с годами...

* * *

Он чувствовал рост трав, их мистическое — и такое земное — движение к солнцу; он ощущал каждый листок: видя целостность великолепной массы и зная, насколько состоит она из отдельных элементов; он входил в храм природы благоговейно: как писатель, прежде всего, но и — как фотограф... В шуме леса отражалась вагнеровская мощь; а Пришвин чрезвычайно был увлечён музыкой великого немца.

Ярок и буен был отец Пришвина: он разводил орловских рысаков и выигрывал на бегах, увлекался цветоводством, создавая удивительные орнаменты из естественных даров природы, был страстным охотником, изрядным садоводом; однако, проигравшись в карты, продал конный завод и заложил имение, и умер, разбитый параличом. Мать Пришвина происходила из старообрядческой семьи; и градус каления, когда речь шла о достижении цели, вероятно, шёл от этого корня. Ей удалось выправить положение дел и дать детям достойное образование.

Разными путями шёл Михаил Пришвин, учась, постигая жизнь, её корневые основы; разные пути постепенно сходятся к пантеону творчества, войдя в который, обретается понимание цели и смысла бытия.

Творчество! Сколь сильно наэлектризовано благородным светом сие понятие... В 1907 году Пришвин становится корреспондентом газеты «Русские ведомости». Он много путешествует, этнография и фольклор влекут его своими сияющими лентами; он сотрудничает с разными газетами, много публикуется, постепенно становясь известным в литературных кругах; знакомится с М. Горьким и Дм. Мережковским, А. Ремизовым и А.Н. Толстым.

Автобиографическая повесть «Мирская чаша», поначалу отвергнутая редакторами, рассказывает о странствиях и захватыва-

ющих увлечениях писателя. Она полна разнородным содержимым, которое, алхимически работая, и составляло огромную личность великолепного Пришвина. Охота и краеведение, становясь сильными страстями писателя, определяют появление серий очерков и рассказов для детей. Последние легки: их кристальная ясность играет природными красками в той же мере, в какой Пришвин открывает для себя тайны природы. Лес — как таинство. Лес — как своеобразная природная церковь, что особенно ощущается осенью, когда многообразие цвета завораживает, как богослужение.

Отношение его к событиям 1917 года было противоречивым: от неприятия — в силу избыточного насилия, до примирения, которое не сулило, однако, гладкой жизни.

Дальний Восток, пристрастно исследованный во время соответствующего путешествия, становится объектом описания: появляется книга «Дорогие звери», из которой вырастает повесть «Женьшень». Лица зверей! Пришвин бесконечно вглядывается в них, изучая столь мало знакомый человеку космос; и белка, и лиса достойны внимания ничуть не в меньшей степени, чем персонажи-люди. Север манит: в своеобразие его природы, не говоря о своеобразии небес, заложено столько величественного.

Особняком стоят монументальные дневники Пришвина: достоверность наблюдений, ёмкость образов, колорит — тут законченное художественное произведение, наполненное яркой работой мысли и последовательным исследованием лет, выпавших на долю писателя.

И снова цветут фотографии: увлечение, сопровождавшее Пришвина до конца, до финальных дней его бытования на земле.

С записными книжками Пришвин не расстанется никогда. Они растут, напластования впечатлений обрабатываются, и крепнут дневники, чья многотомная летопись тянет на эпопею.

Сколько узнано писателем о жизни природы, о плазме, её волнующей, о волшебстве тончайших изменений, происходящих постоянно.

Афоризмы мелькают...

Вместе дневники словно нанизаны на глобальную мысль: о творчестве как единственной созидательной ценности.

...он фотографировал людей, он сделал цикл фотографий об уничтожении колоколов Троице-Сергиевской лавры.

Он был неустанен в творчестве: словно магический порох его и определял жизнь, чья внешняя сторона была всего лишь гарантией бесконечного продолжения трудов: трудов, раскрывавшихся столь различно и ярко, весомо и трепетно, нежно и величественно.

Наблюдатель; и, применительно к Пришвину — это определение стоило бы написать с большой буквы: наблюдатель пристрастный и пристальный, неуспокоенный, неравнодушный и кропотливый, вглядывающийся в мельчайшие природно-погодные изменения так, чтобы крупно проявились они в слове: тоже крупном, словно раковина светящимся изнутри, и в лучевой силе оногo раскрывается сама метафизика природы... О! она, будто используя Гераклитовы изменения, и скрывает многое, и — разворачивает бесконечными панорамами пред человеком: перед Пришвиным, всматривающимся в обычные дива так, что проступает потаённая суть.

Перед нами — «Времена года»: произведение, в недрах которого Пришвин записывает все природные изменения в течение года; и оттенки, словно собираемые им в короба страниц, играют яркой насыщенностью: звука, цвета, нежности... Необыкновенно передаются природные ароматы: будто на медовых крыльях счастья вливаются они, пропущенные сквозь фильтры страниц, в читательское сознание. Чудесная «прекрасность» природы передана через меру приятия всего, что преподносит она человеку; непроизвольно всплывает знаменитое рязановское: «У природы нет плохой погоды...»

Осень хмурится. Осень собирает фиолетовые туши туч, гонит их на нас... Осень союзна с увяданием, со смертью, и — тем не менее... Именно она дарит византийскую какую-то избыточность красок: низвергается зыбкое золото листвы, дрожа и переливаясь нюансами цвета; и каждый лист — будто фантастическая карта не существующей страны...

Как в детстве собирались гербарии! Пришвин предлагает словесный вариант оногo: необыкновенно живой и красочный... Багровый и зеленоватый, рдяный и снова золотой, меченый точками и пятнами ржавчины, рыжины; краски буйствуют, словесная живопись бесконечна; и нежность, овевающая страницы, словно свидетельствует о бесконечности жизни, эти краски и породившей.

Счастье тоже имеет свои оттенки — волнами накатывают они, и волокна отзвуков в душе переливаются волнообразно.

Пришвин призывает постичь изначальный природный язык, и, сконцентрировавшись на нём, изменить отношение к миру: убрать хмурые краски, бессмыслицу тоски. Природный мир всегда откроет нечто необычное: и всякий силуэт падающего листка будет просвечен световым ракурсом...

Очень русская проза Пришвина неожиданно перекликается с мистически-тонким восточным взглядом на мир — с беско-

нечным вглядыванием в каждую деталь: ведь недаром листок, свернувшийся на подоконнике, напоминает улитку. Всё связано со всем: и какая бездна живой философии таится в одном ощущении! Видеть, как времена года сменяют друг друга, — настоящее счастье, и писатель учит ему: проникновенно-простому и такому полнозвучному...

* * *

...трагический «Соловей» Пришвина...

Рассказы о ленинградских детях, о судьбах, напитанных трагизмом изначально, о наждачной правде бытия, которую... можно исправить, однако: ибо в огромном пространстве Советской страны не должно было быть бездомных детей...

Пространная нежность Пришвина, словно вписывающая людскую реальность в реальность природы совершенно особенному: Пришвин пишет о детях, как о... побегах деревьев: превосходящих последние таинственностью...

Вот детдом: тянет ли он на большую семью? И да, и нет: кому-то посчастливится обрести новых родителей, кто-то вырастет в нём; но тайны судеб будут пространно и вместе компактно, с экономией литературных средств рассмотрены Пришвиным: чтобы ничего не было упущено. И дети, вынутые им из истории реальности, словно вписываются в пространство истории литературы навсегда...

...и снова ударят снопы света из пространства «Кладовой солнца», вновь заиграют оттенки понимания деревенской жизни: огромного материка, ныне ушедшего под метафизические воды... После книг Пришвина теплеет на душе, наполняется она тайными пульсациями, чью правду сложно отрицать.

...«Кащеева цепь» раскроется, как своеобразный роман-матрёшка: словно уместая в себе несколько романов: психологический, роман-воспитание, повествование о русской революции; и всё переплетено суммами философских мыслей, изящно и тонко. Чудесен главный герой — фантазёр и романтик: и думающий самостоятельно (что есть ум — как не способность мыслить вне стереотипов?), и действующий активно...

В детстве организовал путешествие в Азию: неизведанное манит, а Азия щедра на подобное; и поплыли мальчишки на лодке, поплыли, переполненные мечтаниями и азартом, и уплыли довольно далеко — прежде чем не вернули их...

«Поплыли в Азию, попали в гимназию». Жизнь главного персонажа развернётся бурно: жажда социальной справедливости тол-

кнёт его в революцию: и год проведёт в тюрьме за переводы с немецкого марксистской литературы; и, демонстрируя волю к жизни и силу стойкости, придумает себе... путешествие. Внутреннее путешествие на Северный полюс: с предполагаемыми тяготами и красoty, с волнообразными накатами световой энергии, подчиняясь которой, не позволит ситуации во внешней жизни раздавить его.

«Кащеева цепь» пронизана романтической приподнятостью: но и конкретная романтическая линия обретает живую плоть: к политическим приходили на свидание девушки-невесты, и вот такая — под вуалью — посетила Алпатову... Он отправляется на поиски: Германия раскрывается, мир растёт, девушка уехала, а герою необходимо... напасть на след...

Стиль Пришвина характерен: он вкусный, в меру обстоятельный, он густой, как мёд: «Весь огромный музей предстал Алпатову как воспоминание сказки, и чудом казалось, что ту же самую сказку переживали все художники с далёких времён. И он шёл из одной залы в другую очарованный и как бы пьяный от постоянных рассказов в красках и линиях одной и той же своей собственной сказки».

Сказка! Ключевое слово! Словно и в самом Пришвине было нечто от... очарованного странника, проходящего жизнью с одной жаждой — изведать как можно больше. Всё — не удастся, поскольку невозможно охарактеризовать точно это «всё», но погружение в новые и новые слои живущей окрестно реальности так заманчиво...

...как смотрят на нас «Глаза земли»! Полное поэзией произведение врачует от депрессии — тонкой своею нежностью, необыкновенным плетением драгоценных словес... запястье, приложенное к уху, позволяет расслышать пышный прибой листвы. А выше — за листвою клёна — будут шуметь необычайно звёзды, живущие своей жизнью, вероятно, более насыщенной, нежели наша, земная...

И монументально возвышаются дневники писателя: всю жизнь вёл, фиксировал всё, что происходило: в душе, и во внешнем мире; густо и плотно заполнял страницы мёдом текста, в котором переплетались тугими волокнами история и проза, детское удивление миром и размышления, наполненные умудрённостью.

Пришвин творил свой литературный эпос, и, обращённый в современность, какую бы она ни была, сияет он великолепием словесного многообразия и мудрыми мыслями метафизического злата.